

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.010

ВОСПОМИНАНИЯ МУСА-БЕЯ ТУГАНОВА О ДО- И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ

Г.В. Чочиев
И.-Б.Т. Марзоев

Произведения мемуарного жанра могут, при условии критического отношения к их содержанию, служить важным средством восполнения фактологических сведений об исторических явлениях, событиях, личностях и т.п., в особенности в ситуациях отсутствия или недостаточности соответствующих документальных источников. В силу количественной ограниченности известных на сегодняшний день документов и материалов, отражающих генезис северокавказского послереволюционного эмигрантского зарубежья, особое значение имеют оставленные его отдельными представителями воспоминания. К числу таких памятников относятся и мемуары осетинского белоэмигранта Муса-бея Туганова, очередной фрагмент из которых впервые публикуется здесь на русском языке. Актуальность данного текста проистекает прежде всего из того обстоятельства, что в нем получили отражение – пусть в субъективном и явно идеологически и классово ангажированном преломлении – многие значимые, а порой и судьбоносные процессы, имевшие место в северокавказском регионе в преддверии, во время и после русских революций 1917 г. Близость семьи мемуариста к представителям царской администрации на Кавказе в годы Первой мировой войны, пережитый им опыт репрессий и конфискации периода «красного террора», довольно тесные контакты с бичераховцами, деникинцами, горскими национал-демократами, британскими эмиссарами и другими антибольшевистскими силами в регионе позволили оставить ценные, в какой-то мере уникальные свидетельства, которые, несмотря на некоторые неточности и ошибки, несомненно, расширяют и уточняют наши знания об описываемой исторической эпохе.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Владикавказ, Первая мировая война, русские революции 1917 г., гражданская война, мемуары.

Для цитирования: Чочиев Г.В., Марзоев И.-Б.Т. Воспоминания Муса-Бея Туганова о до- и послереволюционных событиях на Кавказе // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 53 (92). С.146-169. DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.010

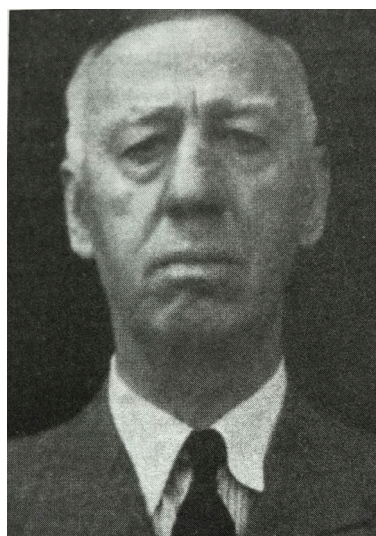
Представленным ниже материалом мы продолжаем начатое ранее ознакомление русскоязычного читателя с воспоминаниями осетинского аристократа белоэмигранта Муса-бея (Мусса-бия, Муса-бека) Джанхотовича Туганова

(1882–1950) (рис. 1). В предыдущих частях публикации уже были изложены известные нам факты биографии мемуариста, включая обстоятельства появления и выхода в свет его сочинения [1; 2]. Настоящий текст содержит фрагменты VII–X глав мемуаров [3], в которых автор повествует об этапе своей жизни от момента возвращения из Турции на родину в сентябре 1907 г. до ареста советскими органами безопасности предположительно весной 1920 г.

В силу вхожести в элитные круги старорежимного кавказского истеблишмента, обусловленной происхождением из знатного и влиятельного семейства, и в меньшей степени, несомненно, благодаря собственной активной гражданской позиции Муса-бей стал свидетелем или участником многих важных, а порой и судьбоносных событий и процессов, разворачивавшихся в регионе в указанный промежуток времени. Так, он был весьма близок к представителям царской кавказской администрации в годы Первой мировой войны, на личном и семейном опыте пережил репрессии и конфискации периода «красного террора», в дальнейшем находился в контакте с самыми разными антибольшевистскими силами – бичераховцами, деникинцами, британскими эмиссарами, горскими национал-демократами и т.д. Все это позволило Туганову оставить довольно ценные, в какой-то мере уникальные свидетельства, которые, бесспорно, расширяют и уточняют наши знания прежде всего о фактологической составляющей описываемой исторической эпохи, несмотря на присутствующие в тексте неточности и ошибки, частью отмеченные нами в примечаниях. При этом вполне

очевидна и, в сущности, естественна также определенная субъективность и идейно-классовая тенденциозность авторских трактовок наблюдаемых общественно-политических явлений.

Принимая во внимание крайнюю ограниченность на сегодняшний день выявленных и введенных в научный оборот памятников мемуарного жанра, исходящих от представителей северокавказского эмигрантского зарубежья 1920-х и последующих годов, актуальность и новизна предлагаемого материала едва ли могут вызывать сомнения.

Рис. 1. Муса-бей Туганов в годы эмиграции в Европе

С учетом формата журнальной публикации нами при переводе опущены чрезмерно пространные, хотя сами по себе определенно интересные и оригинальные, рассуждения Туганова об общих причинах социально-политического кризиса в Российской империи начала XX в., связанные с ними исторические экскурсы, а также некоторые малозначительные подробности. Купюры отмечены многоточиями в угловых скобках.

ВОСПОМИНАНИЯ МУСА-БЕЯ ТУГАНОВА О СОБЫТИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 1907–1920 ГГ.

Глава VII

<...> Я хорошо помню первые после моего возвращения [из Турции в 1907 г.] зимние празднества. Они пришлось на христианское рождество. 24 декабря [по «старому» стилю, т.е. 6 января по «новому»] в наш дом явились переодетые в меха и маски молодые люди из всех окрестных сел и стали распевать песни в честь пророка Ильи, покровителя певцов и весенней погоды, благосклонности которого следовало просить перед засевом полей. За хвалебным гимном последовали другие песни, некоторые из них в честь моего отца, с выражением благодарности за его щедрость и гостеприимство. Ряженные длинной шеренгой прошли через зал кунацкой, где старшая дочь дома вручила их предводителю наполненный темным пивом «багани»¹ старинный рог, который затем обошел всех присутствующих под их радостное пение. Затем началось главное событие вечера – пиршество, а за ним – еще больше музыки и песен. До поздней ночи под сводами зала звучали героические песни наших предков об их победах и разносились ритмы черкесских² танцев, особенно лезгинки – любимого танца Северного Кавказа.

<...> Как я уже говорил, после русско-кавказских войн земля у многих кавказцев была отнята и передана казакам. Официально за нее платили (хотя нас никто не спрашивал, хотим ли мы ее продавать), и отцу пришлось отдать более 700 тысяч гектаров по стоимости 12,5 серебряных копеек за гектар. Поскольку все деньги были выплачены серебром, потребовалось несколько по-

возок, чтобы доставить эту сумму домой.

Среди наших земель в то время была и земля, которую мы передали в аренду на 99 лет двум украинским крестьянским поселениям. Каждая из этих колоний состояла примерно из 300–400 семей, и эти люди, имевшие очень высокое мнение о своих сельскохозяйственных навыках и умениях, были немало удивлены, обнаружив, как многому они сами могут поучиться у наших черкесских крестьян.

Большая часть наших земель сдавалась управляющими именем моего отца в аренду сельским общинам. <...> Села в своем большинстве были весьма зажиточны; в них не было бедности и запущенности русских деревень. У каждого крестьянина имелся чистенький дом из древесины из наших лесов с пристроенными к нему помещениями для скота, а пастбища выделялись старейшинами. Все члены семьи работали в поле и в доме; некоторые могли содержать также наемных работников. Вид этих аккуратных и дружелюбных сел радовал глаз.

Старейшины следили за тем, чтобы одна и та же земля из года в год сдавалась в аренду одному и тому же крестьянину, что должно было способствовать его заинтересованности в ее правильной обработке и повышении урожайности. Арендная плата вносилась в контору поместья, и люди были почти так же свободны в распоряжении землей, как если бы они владели ею. Единственным ограничением, наложенным на них, был запрет на выращивание подсолнечника, истощающего почву. По большей

части сеяли пшеницу, кукурузу и рожь; картофель и корнеплоды же крестьяне сажали редко. Мой отец хотел, чтобы крестьяне имели в своем распоряжении самые современные машины, и они в любое время могли получить совет по обращению с ними от его технических специалистов. Неудивительно поэтому, что русские чиновники были поражены благосостоянием народа. После войны они собирались начать возделывать горы, но отказались от этого замысла, когда увидели, что мы с помощью наших собственных методов уже поднялись в них настолько высоко, насколько это было возможно. Наши люди были также отличными скотоводами и продавали по очень хорошим ценам свой крупный рогатый скот, овец и коз.

Большая часть нашего имения обрабатывалась таким образом арендаторами. Сами мы возделывали всего около 6 тысяч гектаров, которыми управляли мои братья. Отец передал все хозяйственные дела нам троим, и мой старший брат добился значительных успехов в разведении скаковых лошадей. Он выиграл множество призов, в том числе на больших Императорских скачках в Царском Селе. Моей персональной обязанностью было обеспечение лошадьми нескольких кавалерийских полков, для чего мы вывели выносливую и резвую породу среднего размера. Этим лошадям выпускали пастись группами под присмотром надежных людей; большие табуны, насчитывавшие около тысячи голов, уходили далеко, а меньшие, в две-три сотни, оставались недалеко от дома. Вид этих диких, свободных животных был незабываем, особенно когда приходилось их арканить – искусство, которым наши конюхи владели в совершенстве. Я сам часто

и с удовольствием упражнялся в этом. Необъезженные лошади, не знавшие неволи, начинали бешено биться, едва почувствовав веревку на своей шее, и требовались большие сила и терпение, чтобы укротить их и приучить к седлу.

Недалеко от границы наших земель находились шахты, разрабатывавшиеся бельгийской компанией, и это натолкнуло нас на мысль провести разведку в том же районе на нашей собственной территории. Выполнившие работу немецкие инженеры нашли там в значительных количествах серебро, медь, олово и молибденит, но, так как часть земли принадлежала не нам, мы обменяли с соседними семействами около 70 тысяч гектаров на пастбища и пашни. Отчеты российских официальных инженеров были так хороши, что французские банки незамедлительно предложили профинансировать эту схему, рассчитывая получить по крайней мере 11% прибыли на свой капитал. Реки Кавказа, круглый год свободные ото льда, могли быть использованы для нужд рудников в полной мере. Рабочая сила была дешева, поскольку никакой другой работы, кроме сельского хозяйства, не существовало. Единственной трудностью был транспорт. Вывозить руду можно было только по канатной железной дороге в горы, расстояние же от карьера до ближайшей железнодорожной станции составляло около 40 километров.

В речке Дурдурка близ Туганова³ было найдено и золото, сначала в небольшом количестве в песке, но бурение выявило богатый прожилок, а также кое-какие полудрагоценные камни, которые можно было бы добывать. Однако в то время не было современного оборудования, и затраты почти погло-

тили бы доход. В любом случае эти минеральные богатства были обнаружены лишь накануне мировой войны, начало которой положило конец всем планам их использования. Сегодня они все еще лежат нетронутыми под землей.

Наши владения включали в себя обширные дубовые, буковые, березовые и сосновые леса, около 10 тысяч гектаров из которых были умышленно сожжены после волнений 1905 года, когда русские агитаторы из Алагира, что в Осетии, спровоцировали беспорядки среди наших крестьян. Правительство обязало повстанцев выплатить компенсацию в размере 80 тысяч золотых рублей – фантастическую сумму, которую должны были собрать села. Поскольку они были решительно не в состоянии этого сделать, к отцу явилась депутация из оштрафованных сел, чтобы молить его позволить им выплатить деньги частями. Он посоветовал им обратиться больше внимания на поведение своих молодых людей и простил всю сумму, сказав, что не сможет спокойно умереть, зная, что взял деньги у бедняков. Он не испытывал ничего, кроме жалости, к этим людям, сбитым с толку чужаками-агитаторами и в действительности вовсе не желавшим революции. В последующие годы наши черкесы оставались совершенно невосприимчивы к большевистской пропаганде. Да и какую пользу им могли принести большевики? У них была прекрасная, богатая земля, которую они любили и которая обеспечивала им хорошую жизнь без приложения особых усилий. Они никогда не подвергались насилию и преследованиям со стороны своих князей и жили счастливо и в довольстве. Чтобы «освободить» в наших горах «угнетенный пролетариат», надо было сначала

заковать этот народ в цепи. Иным было положение в городах, которые уже были русифицированы и не смогли противостоять яду коммунистического учения. Именно там возникли первые на Кавказе советы.

На Кавказе было некоторое число людей, принадлежавших по своему происхождению и положению к влиятельным кругам, но пытавшихся в какой-то мере заигрывать с идеями красных пропагандистов. Это, впрочем, был односторонний флирт, поскольку народ инстинктивно не доверял богатым, а фанатики равенства были абсолютно лишены каких-либо реальных контактов с ним. Эти люди витали в теориях и идеалах, временами снисходя до филантропии, что только увеличивало пропасть между ними и получателями их пожертвований. В конце концов большевики ликвидировали всех этих своих предтеч самым неблагоприятным образом.

Один из моих родственников, дядя Батырбек, был большим почитателем Толстого и его идей об угнетенных крестьянах. Поскольку он не нашел в нашем краю ни сочувствия, ни бедных пролетариев, которым мог бы помогать, он продал свою долю земли и переехал в Москву, где у него имелось несколько шикарных домов и вилл. Его резиденция стала штабом толстовцев и либералов, а отношения с правительством и собственной семьей приобрели натянутый характер.

Я могу припомнить лишь один приезд к нам дяди Батырбека, который на беду совпал с визитом губернатора Терской области генерала Колюбакина⁴. Суждения двух гостей, естественно, столкнулись. Генерал Колюбакин, миролюбивый и приятный человек, сказал

в один из дней Батырбеку: «Ваше превосходительство, я не могу понять, как человек вашего ранга может придерживаться столь революционных взглядов!» Батырбек грубо ответил, что это не дело генерала, на что тот, естественно, обиделся и напомнил дяде, что он обращается к представителю его императорского величества. Батырбек сделал еще одну оскорбительную реплику, и моему отцу пришлось изрядно потрудиться, чтобы как-то успокоить высокого гостя и извиниться за поведение родственника. В любом случае не стоило делать губернатора своим врагом: в Сибирь вело много дорог.

Начало войны ничуть не огорчило дядю Батырбека. Незадолго до этого утонул, пытаясь переплыть реку, член нашей семьи, и это так подействовало на Батырбека, что он ни о чем другом не говорил. Его приводило в ярость то, что не меньше внимания мы уделяли «войне между двумя чужими странами, которая не имела к нам никакого отношения». Он продолжал жить в Москве, где я еще раз увиделся с ним перед его смертью. Это было после революции, когда меня везли в концентрационный лагерь. В те дни обращение с заключенными еще не было таким бесчеловечным, каким оно стало впоследствии, и, когда наш поезд сделал остановку в Москве, мне удалось послать дяде Батырбеку записку через одного из солдат конвоя с просьбой приехать на станцию. Он явился сразу же, жалкий призраком самого себя. Его «братья и товарищи» отобрали у него все, и ему едва хватало средств на существование, хотя, конечно, теперь у него не было недостатка в возможностях познать счастье «освобожденного» пролетариата. Вскоре после этого он умер, слишком поздно

осознав, насколько ошибочны были его представления о революционерах.

Я уже упоминал о кровной мести в наших горах. Были, однако, и такие, кому простой ликвидации убийцы было недостаточно. Эти люди клялись истребить всю семью своего кровника, тем самым ставя себя вне закона и становясь бандитами. Наводящие страх и сами постоянно преследуемые, они жили в одиночестве в горах, добывая себе средства на жизнь воровством. К чести этих разбойников, они никогда не причиняли вреда женщинам, даже если те принадлежали к семьям их врагов, и не крали скот у бедных крестьян. В сущности, многие из них выступали в роли Робин Гудов, помогая беднякам и защищая обездоленных. Они угоняли большие стада богачей, предварительно усыпив бдительность пастухов.

Во время русско-кавказских войн эти преступники были в числе самых злейших врагов России. Они ничего не боялись, везде были как у себя дома и знали горы и их потайные места как свои пять пальцев. Крестьяне любили и почитали их, рассказывая удивительные истории об их героических подвигах против врага, их чудесных спасениях и завораживающей на первый взгляд жизни.

Самым известным таким преступником был Зелимхан. После падения Шамиля и Хаджи-Мурата он стал единственным человеком, открыто бросившим вызов российскому правительству.

[Далее автором приводится весьма пространная версия истории жизни, свершений и гибели знаменитого на Кавказе чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева (1872–1913)]

<...> Зелимхан, однако, был исключительным преступником. Большин-

ство других довольствовались куда меньшими подвигами и славой. В одном из наших сел жил черкес по имени Дати. Один из его родственников был убит, и он взялся совершить кровную месть, заявив, что уничтожит всю семью убийцы. Когда он убил десять человек, мой отец потерял терпение. Войдя в доверие к двум сообщникам преступника, он сумел с их помощью схватить Дати и запер его в башне на территории поместья. Там Дати провел два года, и пусть это была не самая приятная жизнь, но все-таки лучше той судьбы, которая постигла бы его, попади он в руки русских властей. Все такие преступники ссылались пожизненно в Сибирь.

Позже Дати было предоставлено немного больше свободы. По черкесскому обычаю теперь он являлся членом дома моего отца и мог претендовать на защиту. В этом он весьма нуждался, так как постоянно находился под угрозой кинжалов и пуль враждебной семьи. Как «гость дома» он в компании наших домочадцев мог даже присутствовать на сельских увеселениях, и никто не смел поднять на него руку. Он стал сопровождать моего отца в верховых выездах, но ему хотелось настоящего занятия. В свое село он не мог вернуться, не утратив нашей защиты, поэтому в конце концов отец дал ему работу брадобрея, после чего этот убийца и бандит ежедневно брил всех нас. К нему присоединилась семья, и его сын тоже был взят на службу в доме.

Убийство наследника австрийского престола, как и первые известия о войне, не вызвали особого беспокойства в наших горах. Наши соплеменники любили воевать ради самой войны и как подданные царя автоматически вступали в русскую армию. Тогда они, правда,

еще не знали, что Турция выступит на стороне немцев и им придется воевать со своими единоверцами, а порой даже соотечественниками, обосновавшись в Турции. К их чести, они и тогда остались верны принесенной царю присяге.

Глава VIII

Во время войны Кавказ был поставлен под командование двух высокопоставленных чиновников: сенатора Голубева на юге и князя Касаткина-Ростовского на севере. <...> Князь Касаткин был старым другом нашей семьи, и я связался с ним вскоре после начала военных действий. Естественно, после службы в турецком полку у меня не было желания воевать против турок, и командующий разрешил мне работать под его началом. Я был назначен ответственным за рекрутирование и реквизиции для армии по Терской области.

В России я уже успел отслужить год в драгунском полку и, в сущности, должен был бы снова в него вернуться. Однако командование было радо, что я оказался там, где оказался. Русскому офицеру было бы сложно выполнять такую работу среди кавказцев, я же мог тихим словом-другим получить то, что другому пришлось бы брать силой. Касаткин находился в непосредственном контакте с фронтом, получая оттуда сведения о потребностях в транспортных рабочих, лошадях и скоте, которые нам надлежало удовлетворять. Мужчин, непригодных для службы на передовой, привлекали в качестве чернорабочих, и, поскольку эта работа хорошо оплачивалась, они шли на нее весьма охотно. Для реквизиции лошадей и скота я имел под своим началом целую армию чиновников и торговцев. На первых по-

рах мы были завалены предложениями крестьян, так как правительство платило за скот почти вдвое больше обычной рыночной цены, а крестьянам обычно удавалось подсунуть нашим торговцам нездоровых животных, которые в мирное время ничего бы не стоили. Торга не было: армия нуждалась в лошадях, требовала их и, как бездонный колодец, поглощала всех их.

Такое положение дел, правда, сохранялось недолго. К концу 1915 года наметился дефицит золотых и серебряных денег, и правительство начало расплачиваться бумажными. Крестьяне всего мира одинаковы в том отношении, что не могут поверить в то, что бумага имеет такую же ценность, как золото. Вот и наши стали отказываться продавать скот, хотя у них все еще имелись большие стада. Ресурсы Кавказа были неисчерпаемы, и даже огромные потери первых лет войны не могли их серьезно уменьшить. Когда агенты правительства пытались конфисковать в селах ценных овец-мериносов и породистых коров, крестьяне попросту выгоняли их. Торговцы заныривали и попросили военной защиты, которая была им предоставлена ввиду важности для армии их работы. Если враждебно настроенные крестьяне протестовали оказывать сопротивление, в деревни направлялись карательные отряды, которые передавали предводителей бунтовщиков под суд военного трибунала. Вердикт во всех случаях был один: Сибирь.

Я старался удерживать крестьян в моей Терской области от совершения безрассудных поступков и немало преуспел в этом. Мне также не раз удавалось удерживать чиновников от тех резких или провокационных действий, к которым

они прибегали в других губерниях и которые имели катастрофические последствия для крестьян. С началом революции Керенского поставки с Кавказа прекратились совершенно. Люди заявляли, что хранят верность лишь царю и отказывались отдавать своих животных. Применить силу для достижения своих целей Керенский не решился: его режим был слишком непрочным.

Моя должность реквизиционного офицера требовала, чтобы я проживал во Владикавказе. Служба была вполне приемлемой, хотя и вызвала определенное недовольство консервативных черкесских кругов, обвинивших меня в прорусскости из-за этой работы, которая, по их мнению, была недостойна представителя моей семьи. Комендантом во Владикавказе во время войны был полковник Михайлов, снискавший себе крайнюю непопулярность своей жестокостью и высокомерием. Когда грянула революция, его надменность растаяла, как весенний снег, и он первым отказался от погон и протянул руку красным товарищам, расстреливавшим его друзей. Последнее, что я о нем слышал, это то, что его сильно избивали его новые друзья. Позже он был забыт и исчез. Я думаю, красные нашли собственный способ отблагодарить его.

В мирное время каждый кавказский народ должен был содержать один кавалерийский полк, а в военное время – два. В мировую войну число полков увеличилось, потому что в них хлынули добровольцы. Из горных селений прибывала молодежь, которая шла на войну в общем-то за приключениями. И для них это приключением и оставалось. Русские приходили с фронта ошеломленные «бойней», творимой вражескими пушками и штурмовыми

атаками. Наши же соплеменники были привычны к борьбе и ранениям. Они были воспитаны на героических преданиях и воинственных песнях и считали войну естественным и почетным делом, каковы бы ни были ее причины. Сражения не были для них чем-то из ряда вон выходящим. Зато они были весьма увлечены техническими новшествами – аэропланами и артиллерией противника, от которых у русских войск было мало защиты. Вернувшиеся домой раненые не переставали рассказывать об этих «чудесах».

Наши полки отправлялись в основном на германский фронт, так как было признано нежелательным сталкивать их с другими мусульманами. Они всегда находились в гуще боев и несли большие потери. Найти добровольцев становилось все сложнее, и, поскольку кавалерийские полки были крайне востребованы, начали изыскиваться иные способы вербовки. Князя и члены знатных семей были приглашены в Петербург, где царь дал им аудиенцию, на которой они выступили с верноподданническими обращениями, а в обмен на это им были пожалованы высокие должности или воинские звания. Сыновья этих семей, находившиеся на поле боя, получили награды и продвижение по службе, часто к своему большому удивлению. Весьма польщенные всем этим, они выступили с предложением собрать на свои средства и обеспечить своими лошадьми кавалерийский корпус, который должен был сражаться за царя на западном фронте⁵. После же отречения царя входящие в этот корпус полки заявили, что не обязаны служить новому режиму, и отправились домой стройным маршем со всем своим вооружением и боеприпасами. Они про-

должали подчиняться своим офицерам, попытки же революционеров привлечь их на свою сторону разбивались о каменную стену их безукоризненной дисциплины.

Командующим Кавказским корпусом был брат царя великий князь Михаил Александрович. При Керенском ему, естественно, пришлось уйти в отставку⁶, и его место занял один из его комдивов принц Фейзи, перс. Под его командованием кавказские полки вернулись домой. Это был добродушный и всеми любимый человек со слабостью к хорошей еде и выпивке. К сожалению, вскоре он умер от тифа⁷, и его место занял бесполезный генерал Половцев. Как этот человек вообще смог стать командующим первоклассными кавалерийскими подразделениями, никто не мог понять. Он начал с того, что уволил большое количество личного состава, подорвал своей манерой ведения дел дисциплину и в результате развалил Кавказский корпус, который при хорошем руководстве мог бы стать надежным противовесом красным. Закончил он тайным дезертирством из своих войск, после чего его никто больше не видел⁸.

Когда кавказские полки вошли во Владикавказ, я встретил моего друга Заурбека. Поскольку в предыдущий раз я видел его в Измире в форме турецкого полицейского⁹, я не мог поверить своим глазам, пока Заурбек не рассказал мне последнюю главу истории своей жизни. Он прослужил год или два под началом черкеса Мехмед-паши и наслаждался своим положением, пока однажды не встретил некую француженку, которая стала отвлекать его внимание от исполнения служебных обязанностей больше, чем это могло пойти ему на пользу.

Он получал одно замечание за другим, пока, наконец, не решился последовать за француженкой в Египет, стряхнув тем самым пыль турецкой земли со своих ног. Некоторое время он прожил вместе со своей любовью в стране фараонов, но, когда началась война, захотел вернуться на Кавказ. Поскольку в Турции он считался дезертиром, ему пришлось отправиться в путь через Сербию, где он был арестован и брошен в тюрьму как турецкий шпион. Впрочем, ему удалось подкупить надзирателя и скрыться в горах. После многих приключений он добрался до России, где обратился к великому князю Михаилу Александровичу с просьбой о помиловании. Его прошение было передано царю, который простил его и удовлетворил его желание востановиться в русской армии. Он поступил рядовым в свой родной Ингушский полк, очень скоро дослужился до корнета, был награжден Георгиевским крестом, затем произведен в капитаны, а недавно назначен адъютантом князя Фейзи.

В период войны офицеры союзных армий часто посещали Кавказ с военными миссиями или для лечения. Среди них было и немало сербов. Со времени своего несправедливого заключения в их стране Заурбек затаил на всех сербов обиду и всякий раз, когда встречал кого-нибудь из них, натравливал на него своих ингушей. Несколько сербов загадочным образом исчезли, а, поскольку в те времена человеческая жизнь стоила дешево, никто особо не беспокоился их судьбой. После падения Керенского Заурбеку следовало бы в очередной раз отказаться от погон, но он продолжал как ни в чем не бывало носить прежнюю форму, и большевики оставили его в покое. Они знали его!

Однажды, когда я сидел с ним в ресторане, к нам с угрюмым видом подошел какой-то красивый комиссар. Заурбек предложил ему сесть, и комиссар, несколько смягчившись, так и сделал и начал активно налегать на спиртное. Доброе местное красное вино, однако, вскоре проявило ему голову, и он вспомнил о своих обязанностях представителя народа и резко потребовал от Заурбека снять погоны. Он начал нецензурно ругаться и пришел в сильное возбуждение, после чего Заурбек вытащил свой револьвер и вышел. Я последовал за ним. Комиссар тоже вышел вслед за нами на улицу, продолжая изрыгать угрозы и оскорбления. Заурбек, не произнося ни слова, развернулся и выстрелил в комиссара поверх голов толпы. Он, конечно, зашел слишком далеко, и наше положение стало чрезвычайно опасным. Мы бросились к нашему автомобилю и помчались на максимальной скорости, сделав это очень вовремя, потому что оправившиеся от изумления большевики пустились за нами в погоню. За нами раздались выстрелы, но мы взяли хороший старт, а недалеко были горы, куда пока ни один красный не осмеливался проникнуть. Чудесным образом ни одна пуля не попала в нас, хотя машина была буквально изрешечена. Это была моя последняя встреча с Заурбеком. Больше я его никогда не видел. <...>

Уже в первые дни войны красные развернули свою пропаганду, и следует признать, что их агенты были хорошо подготовлены. Действуя с предельной осторожностью в условиях большой секретности, они начали с разговоров с родственниками погибших воинов и находившимися на линии фронта солдатами о бесполезности войны и даль-

нейшего сопротивления, перейдя затем к обвинениям в адрес правящих классов в использовании рабочих в качестве жертвенного пушечного мяса. Эти семена порой падали на неблагоприятную почву, и многие агенты были схвачены при распространении подрывной литературы и расстреляны. Об этих инцидентах ничего не сообщалось: власти не желали признавать существования какого-либо брожения в войсках. Позже, однако, красные стали действовать вполне открыто и лишь изредка кто-нибудь из них бывал расстрелян. Каждое поражение, каждое малейшее продвижение врага, самая незначительная нехватка продовольствия или боеприпасов, любая заминка в организации лечения раненых использовались этими людьми для выдвижения требований прекращения войны. Большевизм еще не стал их целью, но они постоянно говорили о вине царя и утверждали, что конец Романовых будет означать конец войны, а падение царизма принесет мир, счастье и богатство народу.

В наших селах я мало что слышал о красной агентуре. Там не было благодатной почвы для их идей, хотя в городах они имели некоторый успех в пропаганде независимости кавказских республик отдельно от России. Ужасным летом 1917 года революционеры пожали плоды тех анархистских и социалистических семян, которые они сами посеяли. Приграничные государства, присягнувшие не России, а царю, теперь почувствовали себя свободными от своей присяги и каких-либо дальнейших обязательств сражаться за иностранную державу¹⁰. Одновременно русские подразделения, которым после свержения царя был обещан мир, взбунтовались и разошлись по домам. Худшие элементы,

какие только имелись в армии, вышли на передний план, распродали свое оружие и объявили, что войны больше не будет. На Кавказе каждая деревня купила себе пушку и каждый мужчина вооружился до зубов.

На фронте турки шли по пятам слабеющих русских войск. Лишь немногие дивизии все еще сохраняли боеспособность, однако они были без командиров, отрезаны от снабжения и подвергались угрозам со стороны собственных соотечественников. Турки почти беспрепятственно вступили на Кавказ и продвинулись к границам Грузии, которая уже успела объявить себя независимой республикой и была признана Турцией и ее союзниками. Благодаря этому она избежала турецкого завоевания, но турки захватили несколько других важных позиций, в том числе старую крепость Хунзах в Дагестане, живой реликт русско-кавказских войн. В 1918 году ее заняли турецкие войска под командованием молодого, но способного офицера Исмет-бея¹¹. Турецкое правительство планировало объединить Северный Кавказ и Дагестан в республику под своим протекторатом, и этот проект мог бы действительно увенчаться успехом, если бы его поддержал сам народ Кавказа.

Когда я впервые услышал об этом плане, который я частично одобрял, я решил обсудить его лично с Исмет-беем. Взяв с собой двух своих людей, я отправился из Владикавказа в Хунзах по бесконечным козьим тропам, едва проходимым для лошадей, пока однажды вечером мы не прибыли в крепость. О нашем приезде здесь уже были каким-то образом осведомлены, и меня приветствовал адъютант Исмета, молодой черкес, который сказал, что коман-

дир примет меня следующим утром. Меня отвели к нему довольно рано, и я обнаружил его посреди прелестного цветника отдающим распоряжения во все стороны, получающим донесения и подписывающим депеши. Исмет-бей имел вид настоящего командира. Молодой и очень подтянутый, он производил впечатление спокойного и решительного человека и, казалось, был создан для того, чтобы стать большим лидером. Он был явно рад мне и поделился своими суждениями о настроениях кавказских племен, их образе мыслей и политических устремлениях. Различия между племенами были так велики, что тесный союз между ними был немыслим без многолетней подготовительной работы, направленной на то, чтобы сделать план приемлемым для вождей и старейшин всех племен. Принудить к чему-либо силой воинственных и хорошо вооруженных горцев было невозможно, если только турки не были готовы послать в страну целую армию. Мне, таким образом, оставалось лишь предостеречь Исмет-бея от траты его сил на воплощение в жизнь подобной утопии. Вскоре вопрос был окончательно закрыт перемирием¹² и началом революции в Германии¹³.

Горские племена уже предприняли одну попытку добиться независимости. В то время, когда Керенский раздавал обещания мира и свободы, некоторые кавказские лидеры решили учредить национальную Кавказскую Республику, которая включала бы в себя также часть Украины¹⁴, донской регион и ногайские степи. В Эйзенаме был созван съезд¹⁵, на который меня пригласили как представителя моего округа. Однако я не задержался там надолго, поскольку считал все это неосуществимым.

На этом съезде отсутствовал один важный лидер, хотя к нему и были направлены многочисленные эмиссары для склонения его на сторону идеи самостоятельной республики. Это был духовный лидер Дагестана имам Нажмудин Гоцинский. Он слыл очень набожным человеком, был горячо любим своим народом и как прямой потомок Шамиля претендовал на звание безоговорочного лидера всего Кавказа. Однако на этот статус претендовал и имам чеченцев Дени [Арсанов], и если Нажмудин считался благочестивым, то его соперник почитался своим народом как святой. Он утверждал, что может творить чудеса, что одно его присутствие исцеляет больных и так далее. Он горел желанием установить свою власть сначала над своим регионом, а затем и над всем Кавказом.

Оба лидера оставались верны царю и боролись против революционеров. Нажмудин принял посланцев съезда с видимым чувством спокойного превосходства и, выслушав их предложения, ответил, что он уже является имамом и не нуждается в подтверждении своего положения съездом, однако сообщит о своем решении делегатам. Воодушевленные, эмиссары вернулись в Эйзенам. Тем временем оба имама быстро и скрытно собрали своих воинов и с двух сторон подошли к ничего не подозревавшему собранию. Как-то ночью в горах загорелись сигнальные огни, а на следующий день Нажмудин и Дени с 15 тысячами человек обступили мирный прибрежный поселок. Любое оружие, когда-либо использовавшееся на Кавказе начиная с эпохи средневековья, можно было увидеть в руках их последователей, имевших поистине фантастический вид. Там были горцы

в звенящих кольчугах, вооруженные луками и стрелами. Там же были мечи всех форм и размеров бок о бок с современным огнестрельным оружием. Эта колоритная армия имела даже тяжелую артиллерию.

Имам Нажмудин объявил изумленному съезду, что не одобрит создание какого бы то ни было национального совета и что единственным действием, которое следует предпринять, является освобождение царя. Он был и оставался подданным царя и видел свой долг в соблюдении своей присяги. Перед лицом решимости двух имамов и их многочисленных армий съезду не осталось ничего другого, как разойтись. Позиция двух лидеров была прекрасным образцом верности царю, но, к сожалению, тем самым была упущена возможность объединения Кавказа, которая так больше и не повторилась.

Возможно, единства не удалось бы достичь в любом случае, поскольку большевистские идеи уже получили распространение, а Грузия, ранее решившая создать буржуазную республику, не смогла устоять перед большевистским хаосом, охватившим эту страну.

Глава IX

Однажды в дни правления Керенского я отправился в родное село, но своего дома не нашел. Правительство раздало всю землю рабочим и солдатам, и у нас не осталось ничего, кроме единственного дома, в котором собралась вся семья. Мы совещались о нашем будущем, однако большевики избавили нас от принятия решений: они отобрали у нас все и расквартировали в нашем доме несколько семей. Одна его часть использовалась как школа, в которой детей из соседних сел обучали основам

большевизма, а другая стала штабом политических и военных руководителей коммунистической партии. Мои братья с женами уехали к своим тестям в Кабарду.

Я вернулся во Владикавказ, где обнаружил безумный беспорядок. Не осталось ни чиновников, ни солдат, ни законных властей, и никто не знал, что делать. Никто не понимал, что будет дальше, так как добыть достоверную информацию было невозможно. Некоторые офицеры, включая меня, уже осознали весь ужас большевизма; другие полагали, что это всего лишь мятеж и что они скоро подавят его под руководством какого-нибудь дельного генерала. Однако вскоре наступил полный коллапс. Большевики победили, и мне больше нечего было делать во Владикавказе.

При князе Касаткине-Ростовском мне пришлось поработать с бароном Штейнгелем¹⁶, род которого происходил из Прибалтики. Он имел обширные владения на Кубани, а также под Владикавказом, и пригласил меня погостить у него, пока неопределенная ситуация хоть немного прояснится. Дни, проведенные мной в его обществе в этом изолированном поместье, могли бы быть весьма приятными, если бы не присутствие по соседству красных орд, которые ежедневно врываются к нам, чтобы «обыскать дом», то есть вынести из него все, что попадет под руку. Они всегда требовали сначала оружие, а затем деньги и еду. Последней уже стало не хватать, поскольку города были отрезаны от источников снабжения, и ни один крестьянин не осмеливался бросить вызов красным. Большевистские лидеры были обеспокоены растущим дефицитом и, чтобы накопить резервы

для себя и своих войск, рассылали во все стороны реквизиционные отряды и произвольно арестовывали не желающих расстаться со своими запасами. Положение барона Штейнгеля и меня самого было далеко не безопасным, и мы решили уехать в Грузию, где, если верить слухам, обстановка была спокойнее. Было условлено, что я первым попробую перебраться через границу, взяв с собой княгиню Кропоткину, сестру Штейнгеля, и юного сына княгини Касаткиной-Ростовской от первого брака, которые также укрывались в доме. Мы отправились в путь по Военно-Грузинской дороге, но доехали лишь до приграничного села Редант, где нас остановили красногвардейцы. Нас арестовали и привезли обратно во Владикавказ, передав в ЧК. Главой ЧК там был рыжеволосый грузин, в прошлом мясник, имевший на своей совести жизни несчетного числа кавказцев.

К счастью, я выяснил, что главным комиссаром Терской области являлся мой старый знакомый – грузин по фамилии Кавтарадзе¹⁷. Я оказал ему небольшую услугу еще в студенческие годы, когда мы спорили о его идеях исправления этого мира, которые я тогда не воспринимал всерьез. Теперь он был ярким коммунистом. Мне удалось поговорить с ним по телефону, в чем мои тюремщики не осмелились отказать мне как другу их главного комиссара. Кавтарадзе был чрезвычайно вежлив и попросил ЧК немедленно нас освободить и отправить под охраной в комиссариат. Там нам выдали пропуски в Тифлис. Княгиня Кропоткина позже уехала за границу, а сын княгини Касаткиной поступил в британский флот по рекомендации британской военной миссии, работавшей в тот период в Тифлисе. Он

хорошо говорил по-английски и должен был получить офицерское звание как раз перед тем, как разразилась революция.

В Тифлисе я впервые узнал о существовании сильного антибольшевистского движения со штаб-квартирой в Петровске¹⁸. Я немедленно отбыл туда, повсеместно слыша имя Бичерахова¹⁹ как вероятного руководителя движения. У него было огромное количество сторонников и уйма денег, которые он добыл в начале революции. Он служил казачьим офицером в Персии и скупил ничего не стоившие там царские рубли, которые затем переправил обратно в Россию, где они все еще пользовались довольно высоким спросом. Он начал с того, что взял с полком осетин Баку, разграбив его так основательно, что жители остались без крупы и золота или какого-либо другого драгоценного металла.

Таким образом Бичерахову удалось создать войсковую кассу и выплачивать своим солдатам баснословные жалованья, поскольку скупленные им царские рубли сохраняли свою первоначальную стоимость в Баку, Дербенте и Петровске. Вокруг него крутились люди, дававшие ему более или менее бесполезные советы или желавшие вести с ним дела. Он выразил надежду, что я смогу собрать черкесские и осетинские ударные отряды, и, поскольку он являлся единственным человеком в нашем регионе, имевшим под своим началом хоть какую-то армию, и, следовательно, единственной надеждой против большевиков, я согласился попробовать набрать людей в моей округе.

Его идея заключалась в том, чтобы основать Российскую Южно-Каспийскую Республику во главе с ним в каче-

стве диктатора. Однако для реализации этого плана ему нужны были союзники, и он, естественно, обратился к Деникину, находившемуся тогда на Дону, и к Колчаку в Сибири. Начавшиеся переговоры, однако, ни к чему не привели, поскольку ни один из генералов не хотел становиться помощником Бичерахова и у каждого имелись иные планы относительно собственной персоны.

В состав британской военной миссии в Тифлисе входило несколько шотландских батальонов и артиллерия под командованием лорда Роулинсона²⁰, умного и обходительного человека, с которым я имел удовольствие работать. Бичерахов попытался склонить англичан на свою сторону, но они тоже равнодушно отнеслись к его плану, так как уже работали с Деникиным. Они одобрили наступление Деникина и пообещали ему помощь оружием, боеприпасами и другим снаряжением для его потрепанной армии. К сожалению, из этого ничего не вышло, и все, что получил Деникин, – это несколько низкосортных орудий и обмундирование. <...>

В Петровске лорд Роулинсон попросил меня обсудить с ним обстановку. Он хотел добиться того, чтобы горские народы поддержали Деникина или, по крайней мере, сохраняли нейтралитет, если дело дойдет до борьбы между красными и белыми. Я с готовностью пообещал ему отвечать за те племена, которые знал, поскольку такое поручение совпадало с моими собственными желаниями. Передо мной стояла трудная задача проникнуть в горы в качестве представителя Роулинсона и Бичерахова. Кроме этого, я взялся распространять контрреволюционную литературу в красном Владикавказе. Я

забрал с собой большое количество листовок с призывами к народу взяться за оружие против большевиков и однажды вечером, стараясь быть неузнанным, прибыл под покровом темноты во Владикавказ.

Владелец гостиницы, в которой я решил заночевать, был известен мне как надежный человек. Я попросил его поселить меня как можно более тайно и осведомился о других постояльцах. Один из них оказался братом Такоева²¹, сменившего Кавтарадзе на посту комиссара Терской области. Я хорошо его знал. Хозяин привел его ко мне, и, когда я сообщил, что следующим утром отбываю домой, он согласился разделить со мной свою комнату. Я запихнул листовки и револьвер под матрас и заснул.

Посреди ночи нас разбудил громкий стук в дверь. Чей-то голос проорал: «Вставайте, в здании обыск!» Единственная моя листовка стала бы для меня смертным приговором. Я обернулся к своему соседу и спросил, как он, будучи братом главного комиссара, может допустить, чтобы эти люди смели даже пытаться обыскивать его комнату посреди ночи. Это задело его, и, распахнув дверь, он вышел за порог и крикнул сновавшим в полутьме субъектам, что он является братом Такоева, а я – его секретарем, и что они могут убираться к дьяволу. Эффект был превосходным. Незваные гости что-то недовольно проворчали и, к моему величайшему облегчению, поспешили вниз. По иронии судьбы позже я смог спасти в свою очередь Такоева от расстрела и был рад возможности отплатить ему.

Я поручил ведение пропагандистской работы надежным людям, а сам занялся другими делами. Собрать много рекрутов для Бичерахова среди черке-

сов не удалось, потому что значительная часть молодых людей уже попала под большевистское влияние и им понравилась идея быть хозяевами самим себе. Они еще не знали, на каких новых господ они променяли старых. Я же радовался каждому привлеченному на нашу сторону человеку, ибо каждый новый белый солдат означал, что на одного солдата меньше становилось у красных. Моя работа на Роулинсона и Деникина была более успешной. Я посетил одно за другим все селения и племена, где меня знали, и после долгих бесед со старейшинами добился от них обещаний, что народ будет оставаться нейтральным. Это давало огромное преимущество Деникину в его борьбе за Кавказ.

Единственным исключением были ингуши, и, чтобы понять причину их непримиримой враждебности к Деникину, необходимо знать их историю. Эти племена владели богатой и плодородной землей, которую царское правительство отобрало у них после завоевания Кавказа и передало казакам. У ингушей не осталось ничего, кроме голой каменистой земли, которая даже при самой тщательной обработке не давала им достаточно ресурсов, чтобы прокормиться. У них не было иного выбора, кроме как силой отбирать то, в чем они нуждались, у ненавистных казаков, обосновавшихся в их домах и распоряжавшихся плодами их полей и садов. Воровские налеты совершались регулярно. Казаки жаловались, и правительство посылало одну карательную экспедицию за другой, бросая ингушей в российские тюрьмы или ссылая в Сибирь.

Мой отец испытывал глубокое сострадание к этим людям, защищал их,

когда мог, и нередко добивался смягчения их приговоров или их освобождения путем выплаты государству штрафов. Они никогда этого не забывали и после его смерти перенесли свою преданность на меня, оказав немало услуг. Без их помощи я бы не смог проходить через линии красных и выполнять свои задачи на Кавказе. Они переправляли меня следующим образом. Красные каждую ночь разжигали в своих лагерях большие костры, к которым приходили ингушские пастухи погреться и поговорить с красными, стремившимися завоевать дружбу этого воинственного горного народа. Благодаря этому они могли свободно проходить туда и обратно через красные линии. Мне давали пастушескую шубу, и я присоединялся к компании ингушей, переходя вместе с ними от костра к костру, пока не обнаруживал достаточно темного места, чтобы проскользнул через линию. Таким же образом я возвращался.

Неудивительно поэтому, что у этих людей не было никакого желания вновь попадать под власть ненавистных русских. Они скупили невероятное количество оружия и боеприпасов у взбунтовавшейся армии, превратили свои скальные укрепления в неприступные крепости, и даже женщины готовились защищать свою землю. Они научились стрелять из-за своих камней не хуже профессиональных артиллеристов, что позже не раз продемонстрировали. Первым действием ингушей после революции стало изгнание всех казаков из их поселений и захват всего их имущества. Всех, кто сопротивлялся, расстреливали. Впрочем, и не было большого противодействия со стороны некогда столь страшных казаков, которые были храбры, пока за ними стояло

правительство, но пали духом, когда остались одни.

По просьбе Роулинсона я оборудовал посадочную площадку для деникинских аэропланов возле Назрани северо-восточнее Владикавказа. Подготовительной работы для этого потребовалось немного, так как земля была твердой и ровной; пришлось лишь вырубить кустарник и разметить землю белыми камнями. Однако ингуши не дали мне долго радоваться этому успеху: так же быстро, как мы строили днем, они уничтожали плоды наших трудов ночью. Деникин встретил ожесточенное сопротивление, когда он, представитель старой России, попытался овладеть землей строптивых ингушей. Их небольшая армия численностью около 20 тысяч человек отчаянно сражалась за свою независимость, и куда более многочисленное войско Деникина преуспело лишь в том, что, сведя свои действия исключительно к обороне, пробилось через страну. С такими же трудностями Деникин столкнулся и в Дагестане, где население не желало подчиниться ни русскому кнуту, ни большевистскому террору и упорно отстаивало свою свободу. <...>

В армии Деникина я находился до конца 1920 года в должности офицера-ремонтёра. Добывать лошадей было чрезвычайно трудно, и мне приходилось использовать все свое влияние среди враждебно настроенных горцев, чтобы обеспечить адекватное снабжение армии. Однако сдерживать превосходящие орды красных, опустошавшие страну, становилось все менее и менее возможным. <...>

Глава X

<...> В смутный период между падением правительства Керенского и

приходом к власти большевиков жители Владикавказа сформировали собственное ополчение, в котором обязан был служить каждый боеспособный мужчина. По ночам улицы патрулировались, чем предотвращались особо опасные деяния воровских шаек. У этой гражданской армии была своя забавная сторона, проявлявшаяся, в частности, в ее вооружении, которое варьировалось от самого современного огнестрельного оружия до тяжелых палок. Домохозяйкам, однако, не нравилось регулярное нарушение их ночного покоя, и они отпрашивались с дежурств так часто, как только было возможно. Поэтому наиболее «отважные» из милиционеров были в восторге, когда несколько групп ингушей вдруг нагрянули в город и заявили, что готовы взять его защиту на себя. Они гарантировали жителям жизнь и безопасность, и, действительно, пока они правили городом, ни один красный не смел в нем показаться. Ингуши, однако, не обещали охранять частную собственность, и в один из дней можно было наблюдать странную процессию, спускавшаяся с гор в город. Сотня арб – высоких двухколесных повозок горцев медленно со скрипом и громоханием двигалась по улицам, останавливаясь перед домами. Вооруженные до зубов ингуши входили в дома, выносили оттуда все, что могли унести, и грузили это на повозки, которые затем гремели дальше до тех пор, пока не наполнялись доверху. В конце концов вся процессия вернулась в горы, оставив город голым, как поле после нашествия саранчи. В мои последующие визиты в дома ингушей я видел в каждом из них дорогие ковры, картины, мебель, серебро и даже пианино или патефон, стоящие в кунацкой. <...>

Как-то во время моего короткого пребывания в Петровске я застал лорда Роулинсона в страшной ярости. Красные бросили в тюрьму во Владикавказе десять или двенадцать англичан, и все попытки их освобождения провалились. Роулинсон, не хотевший оставлять своих людей в беде, попросил у меня совета, и моей первой мыслью были мои ингуши. Я пообещал сделать все возможное, чтобы вызволить англичан, и получил кольцо с меткой и трехрублевую банкноту с написанными на ней несколькими словами в качестве отличительного знака. Возвратившись в горы, я мобилизовал своих друзей-грабителей. Было решено, что в установленную ночь они атакуют тюрьму и на заранее подготовленных лошадях переправят британцев через границу в Грузию. Разбойники были в восторге от этого плана.

Я кратчайшим путем вернулся во Владикавказ. Единственный оставшийся в городе консул, перс, был достаточно любезен, чтобы посетить заключенных и сообщить им об их предстоящем освобождении, одновременно передав им кольцо и банкноту как подтверждение добросовестности их спасителей. Арестанты согласились с планом и дождались условленной ночи. Все прошло, как было задумано. Ингуши прекрасно имитировали внезапное нападение на город, убив пару красных, чтобы придать впечатление правдоподобия происшествию. Они дико проскакали по темным улицам, избавились от тюремной охраны, и я смог беспрепятственно вывести англичан на волю.

Тем временем, однако, красные проснулись и открыли ответный огонь по моему маленькому отряду, так что на улицах не было полностью безопасно.

Увидев это, англичане начали колебаться относительно того, стоит ли им ехать через беспокойную территорию, и в конце концов категорически заявили, что они предпочитают вернуться в тюрьму, нежели преграждать собой путь большевистским пулям, поскольку в любом случае со временем они получат свободу. Мне не оставалось ничего другого, как со всей возможной скоростью бежать вместе с моими ингушами, потому что к этому моменту красные уже носились вокруг, как разъяренные шершни.

Я с сожалением вынужден был сообщить лорду Роулинсону о провале моего предприятия. Мне также было неловко оттого, что я зря сподвиг на него ингушей, некоторые из которых получили ранения. Если заключенные англичане действительно полагали, что большевики их выпустят, то очень скоро они осознали свою ошибку. Они пробыли в тюрьме еще многие месяцы, затем в результате долгого и мучительного путешествия были доставлены в Архангельск и, наконец, перенесены многочисленные лишения, освобождены в обмен на пленных большевиков.

Во время одного из моих визитов к лорду Роулинсону я встретил странного человека: чрезвычайно толстого, похожего на медведя мужчину, одетого в форму русского генерала. Огненно-рыжая борода прикрывала его грудь, увешанную многочисленными орденами, а голос разносился по комнатам, подобно раскатам грома. Как выяснилось, этот персонаж, по фамилии Комиссаров²², был командующим во Владикавказе и после первых побед Деникина немедленно оказался в его окружении. Своей карьерой Комиссаров был обязан своему отцу, который, будучи простым

полицейским, спас жизнь царю Александру III при попытке вооруженного покушения на него. Царь облагородил этого человека, позволив его сыну выучиться на офицера за государственный счет. По прошествии многих лет Комиссаров продолжал пользоваться плодами храбрости своего отца. До войны он занимал весьма завидный пост коменданта императорского дворца в Петербурге, женился на очень богатой женщине из княжеского рода и благоденствовал во всех отношениях.

После революции он оказался не у дел, но придумал новый способ добычи денег. Это был человек, знавший все. Он был посредником между Колчаком и Деникиным, он один знал, где находится царская семья, а также многое другое и был готов поведать все это с условием сохранения тайны любому, кто заплатит за информацию. Часто он обманывал людей, обращавшихся к нему в надежде узнать что-нибудь о своих родственниках. Я сам стал одной из его жертв.

Княгиня Касаткина-Ростовская день и ночь переживала о своем муже, который уехал, чтобы присоединиться к немецкой армии на Украине, и о котором с тех пор не было никаких известий. Так как она была наслышана о всеведении Комиссарова, я по ее просьбе попытался выяснить у него, знает ли он что-нибудь о местонахождении князя Касаткина. Он многозначительно подмигнул мне и дал понять, что еще не завтракал. Я был вынужден пригласить его в дом. Влив себе в горло едва ли не реку спиртного и приняв в качестве взятки немалую сумму, он заверил меня, что недавно видел князя у Колчака. Я был рад сообщить эту обнадеживающую новость бедной женщине. Спустя непродолжи-

тельное время, однако, я узнал от нескольких пленных красноармейцев, что князь Касаткин был расстрелян много недель назад. Комиссаров, не испытывая ни малейших угрызений совести, самым бесчестным образом воспользовался доверием и гостеприимством княгини, отдавшей ему свои последние сбережения.

Комиссаров жил в состоянии жесточайшей вражды с ингушами. В свое время он сурово покарал многих из них за незначительные проступки, и однажды, когда он отважился отъехать слишком далеко от города, они схватили его и увезли в горы, где он содержался в одном из селений, тщательно охраняемый и приговоренный к смерти. Я приехал навестить ингушей как раз, когда он там находился, и, несмотря на все мое презрение к нему, попытался его спасти. Я застал его выглядывающим из окна кунацкой на сельскую площадь, где ликовали его враги. С некоторым трудом я смог добиться того, чтобы меня начали слушать, и в импровизированной речи отметил, что генерал находится в кунацкой, гостевом доме, а значит, является гостем и не может быть подвергнут дурному обращению. Это подействовало, и ингуши отпустили Комиссарова, заставив его взять с собой свою больную жену, которую он, кажется, был не против оставить в горах. Обоих препроводили до границы с Грузией. Если бы тогда я знал о том, что он обманул княгиню Касаткину, я, возможно, не проявил бы такого рвения ради спасения его жизни.

Говорят, что сегодня Комиссаров занимает высокий пост у коммунистов и налаживает работу ЧК зарубежом²³. Я убежден, что он настолько же ярый большевик, насколько преданным стонником царя был раньше.

До того, как Деникин на непродолжительное время овладел Кавказом, у нас регулярно происходили столкновения с красными. Те или иные местности десятки раз переходили из рук в руки, ибо, хотя красные официально находились в хороших отношениях с черкесами и ингушами, они были далеки от того, чтобы доверять этим 30 тысячам хорошо вооруженных горцев, способных обрушиться на них в любой момент.

В начале 1920 года, когда власть Деникина близилась к концу, я находился в кабардино-осетинской бригаде, которой командовали мой дядя генерал Анзоров²⁴ и князь Бекович-Черкасский²⁵. Мой дядя был одним из самых молодых генералов русской армии, выдвинувшимся на передний план во время Русско-японской войны, на которой он был награжден Георгиевским крестом. Эта кавказская бригада составляла арьергард Белой армии, и мы переживали удручающее время. Нам приходилось неделями следовать за бегущей Белой армией, подбирая раненых и больных и обнаруживая, что дороги заблокированы брошенной военной техникой и бесполезным оружием. Красные, в свою очередь, преследовали нас по пятам, и нам было приказано останавливаться везде, где имелась возможность занять оборону, чтобы задержать красных и дать армии уйти как можно дальше вперед. Это было неблагоприятное занятие. Когда мы добрались до Владикавказа, мы обнаружили его уже полностью эвакуированным. Деникин со своей армией перешел в Грузию, где, прямо на границе, весь личный состав был разоружен до последнего кинжала.

Кавказской бригаде пора было задуматься о собственной безопас-

ности. Мы тоже хотели дойти до границы, но ингуши неожиданно выступили против нас, открыли по нам стрельбу и потребовали наше оружие в качестве платы за проход через их территорию. Им всегда не хватало оружия, несмотря на то, что они обладали невероятной коллекцией всех его типов и видов. Мой дядя, Анзоров, был в ярости от их поведения и, приказав подтянуть артиллерию, заявил, что сравняет с землей селения ингушей. Мне было поручено донести до них эту угрозу, хотя они и сами могли видеть из своих скальных укреплений подготовку к бомбардировке. Впечатленные этим, они согласились пропустить нас со всем вооружением. Бригада без дальнейших затруднений пересекла границу Ингушетии, но, как и армия Деникина, была разоружена при вступлении в Грузию.

Я покинул бригаду незадолго до этого, так как не хотел быть интернированным. Осетинский аристократ Дударов, имевший великолепное поместье близ ингушской территории, пригласил меня погостить у него некоторое время. После изматывающего предыдущего года я был благодарен за возможность отдохнуть и восстановить свое здоровье. Дударов был знаменитым охотником, которого очень любили и почитали его дикие соседи и уважали даже красные, обычно не позволявшие представителям знати спокойно жить в своих имениях. Поместье располагалось на горном склоне над рекой Терек и проходящей вдоль ее берега дорогой. Я совершал длительные прогулки, во время которых обдумывал свои планы на будущее, надеясь найти способ выбраться из страны. Однажды я случайно пересек границу имения Дударова и не ожи-

данно оказался в окружении красных, которые окликнули меня по имени. Я присмотрелся к ним и узнал двух русских, принадлежавших к православной секте молокан. Они когда-то арендовали у нас поля под Туганово для выращивания подсолнечника. Это были единственные русские на всей нашей земле,

и надо же было такому случиться, что именно они меня здесь обнаружили! Соппротивление было бесполезно; я вынужден был дать себя задержать, и они с триумфом доставили меня во Владикавказ, где передали в ЧК²⁶.

Перевод с турецкого Г.В. Чочиева

Примечания и комментарии:

1. Баганы/багани – традиционное осетинское темное пиво, широко используемое в ритуальных трапезах.

2. Как нами уже обращалось внимание в публикации первой части мемуаров, Туганов последовательно (хотя и не исключительно) именуется своих земляков-осетин «черкесами». На наш взгляд, это может объясняться тремя обстоятельствами: во-первых, тесной породненностью представляемой им семьи с черкесскими (кабардинскими) знатными фамилиями и обусловленной этим некоторой двойственностью этнической самоидентификации; во-вторых, воспринятым в период проживания в Турции расширительным пониманием этнонима «черкесы» как обозначения всех северокавказцев; в третьих, стремлением использовать более понятное и доступное, по его мнению, для западного читателя наименование кавказских горцев.

3. Туганово – ныне село Дур-Дур в Дигорском районе Республики Северная Осетия-Алания.

4. Генерал-майор Алексей Михайлович Колюбакин (1851–1917) возглавлял Терскую область с августа 1905 до декабря 1908 г.

5. Речь, несомненно, идет о Кавказской туземной конной дивизии, известной также как «Дикая дивизия». Следует, однако, указать, что данное добровольческое соединение было создано еще в августе 1914 г, а в августе 1917 г. преобразовано в Кавказский туземный конный корпус.

6. Великий князь генерал-майор Михаил Александрович (1878–1918) командовал «Дикой дивизией» с августа 1914 по февраль 1916 г.

7. Персидский принц генерал-майор Фейзулла Мирза Каджар (1872–1920) был назначен командующим «Дикой дивизией» в сентябре 1917 г. Не позднее весны-лета 1918 г. перешел на службу в вооруженные силы Азербайджанской Демократической Республики. После советизации последней в мае 1920 г. расстрелян большевиками.

8. Полковник (затем генерал-майор) Петр Александрович Половцев (1874–1964) с февраля 1916 по май 1917 г. являлся начальником штаба «Дикой дивизии». В дальнейшем, возможно, какое-то время исполнял обязанности ее командира. В феврале 1918 г. бежал за границу.

9. См.: Чочиев Г.В., Марзоев И.Б.Т. Миссия Муса-бея Туганова по возвращению кавказских переселенцев из Сирии // Известия СОИГСИ. 2021. № 40 (79). С. 153–154.

10. Автор подразумевает окраинные национальные территории Российской империи, вставшие после Февральской революции 1917 г. на путь суверенизации.

11. Командующим османским экспедиционным корпусом, оккупировавшим осенью 1918 г. Дагестан, являлся генерал Юсуф Иззет-паша, а начальником штаба – полковник Исмаил Хаккы-бей (оба этнические черкесы). Скорее всего, автор встречался с кем-то из этих двух офицеров, но ошибочно вывел его в своих воспоминаниях под именем Исмет-бей.

12. Имеется в виду Мудросское перемирие 30 октября 1918 г. – фактический акт капитуляции Порты перед державами Антанты, предусматривавший в том числе немедленный вывод османских войск с Кавказа.

13. Ноябрьская революция 1918 г., начавшаяся после поражения Германии в мировой войне.

14. Вероятно, автор подразумевает населенную в значительной степени малорусским этническим элементом Кубанскую область.

15. Речь идет о втором съезде Союза горцев Северного Кавказа, состоявшемся в августе 1917 г. в селении Анди близ горного озера Эйзенам (Кезенойам) на границе между Дагестаном и Чечней.

16. Речь, вероятнее всего, идет об одном из сыновей видного российского инженера-железнодорожника и промышленника Рудольфа Васильевича Штейнгеля (1841–1892) – Владимире (1871–1927) или Иване. До революции семейство Штейнгелей вело успешную предпринимательскую деятельность и владело недвижимостью во многих регионах юга России, в том числе во Владикавказе.

17. Сергей Иванович Кавтарадзе (1885–1971) являлся с ноября 1917 по 1919 г. членом кавказского краевого комитета РСДРП(б)-РКП(б), а с августа по декабрь 1918 г. – членом Народного совета Терской Советской Республики. В июне 1918 г. был председателем исполкома Владикавказского совета.

18. Петровск (Порт-Петровск) – ныне город Махачкала.

19. Лазарь Федорович Бичерахов (1882–1952) – российский офицер из терских казаков-осетин. В 1916–1918 гг. служил в чине войскового старшины в экспедиционном корпусе в Персии, созданном с целью противодействия прогерманским силам в регионе.

20. Альфред Роулинсон, баронет (1867–1934) – офицер британских вооруженных сил и внешней разведки. В 1918–1922 гг. в чине полковника находился с разведывательной миссией в Анатолии и на Кавказе.

21. Симон Алиевич Такоев (1876–1938) – осетинский большевик. С мая по декабрь 1917 г. являлся военным комиссаром Владикавказского округа, затем вплоть до начал 1919 г. – заместителем председателя Народного совета Терской Советской Республики.

22. Вероятно, имеется в виду происходивший из мещан города Владикавказа полковник (позднее генерал-майор) Александр Данилович Комиссаров (1871 – не ранее 1920), герой Первой мировой войны и активный участник Белого движения на Северном Кавказе.

23. Здесь автор явно путает описанного выше персонажа с его однофамильцем – генерал-майором Михаилом Степановичем Комиссаровым (1871–1933), ответственным функционером царской политической полиции, который после рево-

люции, проживая в Европе, сотрудничал с резидентурой ГПУ НКВД, пока не был разоблачен белоэмигрантами.

24. Генерал-майор Мудар Кайсынович Анзоров (1883–1927) являлся с весны по осень 1919 г. командиром 1-й бригады Кабардинской конной дивизии и временно исполняющим должность начальника этой дивизии Добровольческой армии.

25. Генерал-лейтенант князь Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекевич-Черкасский (1870–1953) с января 1919 г. являлся начальником Кабардинской конной дивизии Добровольческой армии и одновременно правителем Кабарды с правами военного губернатора.

26. О пребывании Туганова в застенках и концентрационных лагерях Всероссийской чрезвычайной комиссии и его последующем побеге за границу повествуется в двух следующих главах (XI и XII) мемуаров. Данная часть воспоминаний в практически неизменном виде вошла в качестве самостоятельного сюжета также в изданный в 1936 г. в Лондоне сборник новелл о «чудесных спасениях» и была опубликована в переводе на русский язык Асланом Цуциевым [4].

---

1. Марзоев И.Т., Чочиев Г.В. Кавказские воспоминания Мусса-бия Туганова // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33 (72). С. 123–145.

2. Чочиев Г.В., Марзоев И.Т. Миссия Муса-бея Туганова по возвращению кавказских переселенцев из Сирии // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 40 (79). С. 140–162.

3. Tuganov M. Çarlıktan Çeka'ya, Çekadan Özgürlüğe. İstanbul: Apra, 2015. 192 с.

4. Цуциев А.А. Избежавший расстрела Мусса Бей Туганов // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11 (50). С. 112–113.

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); georg-choch@yandex.ru

Marzoev, Islam-Bek T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); is-bek@yandex.ru

MEMORIES OF MUSA-BEY TUGANOV ABOUT PRE- AND POST-REVOLUTIONARY EVENTS IN THE CAUCASUS.

Keywords: *Russian Empire, North Caucasus, Vladikavkaz, World War I, Russian revolutions of 1917, civil war, memoirs.*

Works of the memoir genre can, provided their content is treated critically, serve as an important means of replenishing factual information about historical phenomena, events, personalities, etc., especially in situations of absence or insufficiency of relevant documen-

tary sources. Due to the quantitative limitations of currently known documents and materials reflecting the genesis of the North Caucasian post-revolutionary émigré community, the recollections left by its individual representatives are of particular importance. Among such writings are the memoirs of the Ossetian White émigré Musa-bey Tuganov, another fragment of which is published here for the first time in Russian. The relevance of this text stems primarily from the fact that it reflects – albeit in a subjective and clearly ideological and class-biased way – many significant and sometimes fateful processes that took place in the North Caucasus region on the eve of, during and following the Russian revolutions of 1917. The memoirist's family's closeness to representatives of the tsarist administration in the Caucasus during the First World War, his experience of repressions and confiscations during the “Red Terror”, and his rather close contacts with the followers of Bicherakhov, Denikin, mountaineer national democrats, British emissaries and other anti-Bolshevik forces in the region made it possible to leave valuable, to some extent unique evidence that, despite some inaccuracies and errors, undoubtedly expands and clarifies our knowledge of the historical era described.

For citation: Chochiev, G.V. Marzoev, I.-B.T. *Memories of Musa-Bey Tuganov about pre- and post-revolutionary events in the Caucasus* // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 53 (92). Pp.146-169 (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.010

References

1. Marzoev, I.T., Chochiev, G.V. *Kavkazskie vospominaniya Mussa-Biya Tuganova* [Caucasian Memories of Moussa-Biy Tuganov]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 33(72), pp. 123–145.
2. Chochiev, G.V., Marzoev, I.T. *Missiya Musa-beya Tuganova po vozvrashcheniyu kavkazskikh pereselentsev iz Sirii* [Musa-Bey Tuganov's Mission for the Return of Caucasian Settlers from Syria]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 40(79), pp. 140–162.
3. Tuganov, M. *Çarlıktan Çekâya, Çekâdan Özgürlüğe*. İstanbul, Apra, 2015. 192 p.
4. Tsutsiev, A. A. “Izbezhavshii rasstrela Mussa Bei Tuganov” [“The execution escapee Moussa Bey Tuganov”]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 11 (50), pp. 112–113.